

СЛУЧАЙ С ШАЛЯПИНЫМ

СТРАНИЦА ИЗ ЖИЗНИ ВЕЛИКОГО АРТИСТА

В двадцатых годах в столице Аргентины — Буэнос-Айресе, в оперном театре «Колон», гастролировали два прославленных певца: русский бас Федор Шаляпин и итальянский тенор Тито Скипа. Послушать их приезжали не только из других городов Аргентины, но даже из соседних стран Латинской Америки. Цены на билеты возросли вдвое и были доступны далеко не каждому.

В один из жарких февральских вечеров в «Колоне» давали «Севильского цирюльника» Россини с участием обоих знаменитостей. За несколько часов до начала спектакля группа артистов сидела в театральном буфете и весело о чем-то беседовала. Рюхотал бас Шаляпин, зевал смех Скипы, слышались переливы женских голосов. Шаляпин рассказывал о своих встречах с Карузо и Джильи, о забавных эпизодах, происходивших с ним в разных столицах мира. Другим тоже было о чем порассказать.

— Синьор Шаляпин, — обратился к Федору Ивановичу дирижер Маркетти, — расскажите-на тот случай в Вене, когда вы выиграли пари у Тита Руффо.

Шаляпин замахал руками и весело произнес:

— Этот выигрыш не принес мне удовольствия. Бедняга Руффо долго потом не мог смотреть мне в глаза от обиды и огорчения.

— Нет, нет, расскажите все-таки! — возмущились артисты.

— Было дело так: пел я тогда «Мефистофеля» и недурно принимался венской публикой. Вызывали по пять-шесть раз. Говорит мне однажды Руффо: в Париже меня двенадцать раз вызывали в «Аиде». Беретесь того же в Вене? Берусь, говорю, сегодня же! И не двенадцать раз, а пятнадцать. Не верю, говорит, не выйдет. Спорим? Спорим. На ящик шампанского поспорим. Шел я на это пари уверенно... В общем, выиграл! Шестнадцать раз вызывали! Помните, Маркетти?

— Еще бы! — подтвердил Маркетти. — На всю жизнь запомнил! Сидевшая против Шаляпина молодая певица свернула глазами: — А могли бы вы, синьор Шаляпин, получить аплодисменты в этом театре среди акта, а?

— Х-м, пожалуй...

Дело в том, что по традиции в театре «Колон» аплодисменты среди акта были запрещены. Аплодировать разрешалось лишь после того, как занавес опустится, не раньше.

— А я готов спорить, — вмешался Тито Скипа, — что вам это никак не удастся. Здесьнюю традицию не смогли нарушить ни Маззини, ни Карузо.

— Два ящика шампанского, идет? — Шаляпин сделал решительный жест.

— Согласен.

В тот вечер Шаляпин пел с особенной страстностью и вдохновением. Он превзошел самого себя.

Голос певца взлетал, парил в высоте, заставляя сердца учащенно биться. Ничего подобного «Колон» еще не видел и не знал.

Гениальный певец умолил, но звуки его голоса еще плыли в замершем зале. И тут грянул гром, партер и ярусы вздрогнули и заходили ходуном. Многолетняя традиция была нарушена: две с половиной тысячи пар ладоней единодушно аплодировали Шаляпину. «Когда искусство артиста заставляет зрителей подниматься, он — или бог, или дьявол» — эти слова Бернарда Шоу довольно громко произнес в оркестре дирижер Маркетти и поднял руку. Музыканты с изумлением и страхом смотрели на своего маэстро: неужто он намерен повторить арию? Это явилось бы вторым нарушением здешней традиции — повторять арию «на бис» было строжайше запрещено в «Колоне». И тем не менее, оркестр заиграл, и Шаляпин повторил арию.

Этот поступок дорого обошелся дирижеру. Поутру стало известно, что Маркетти, нарушивший традицию театра, уволен. За дирижера заступились все артисты и музыканты, и директору обратились с личной просьбой Шаляпин и Скипа, но тот был неумолим: Маркетти был не только изгнан из театра, но и оштрафован.

Однако Федор Шаляпин был не из тех, кто оставляет в беде друзей.

— Не унывайте, Николо, — утешал дирижера Федор Иванович, — что-нибудь придумаем! Хотите в Нью-Йоркскую «Метрополитен-оперу»?

Удрученный Маркетти печально улыбнулся:

— Еще бы, разумеется, хочу! Но ведь это не осуществимо, синьор Шаляпин, вы это знаете...

— А это мы еще посмотрим, — ответил Шаляпин и лукаво подмигнул, — может, и осуществимо, как знать!

Через неделю Шаляпин и Маркетти прибыли в Нью-Йорк и в тот же день встретились с дирижером крупнейшего оперного театра Артуро Тосканини, большим другом и поклонником Федора Ивановича. В ту пору Тосканини замещал главного дирижера.

— Кто этот молодой человек? — спросил Тосканини, бросив взгляд на Маркетти. — Если не ошибаюсь — итальянец?

— Доподлинный! Ваш земляк и коллега, маэстро. Я силой заставил его приехать в Нью-Йорк, чтобы познакомиться с вами. Великолепный дирижер, богом яланусь! Не найдется ли для него места у вас в качестве очередного дирижера?

— К сожалению. И вы это отлично знаете.

Маркетти победнел и поник. Оказаться в огромном чужом городе без денег и работы! Но Шаля-

пин, казалось, нисколько не огорчился ответом Тосканини; он подошел к нему, взглянул в глаза и тихо произнес:

— Дорогой маэстро, вы ставите меня в безвыходное положение. Я твердо обещал ему должность в вашем театре. И был уверен, что вы не откажете мне. Но если ваше решение окончательное, мне придется...

— Что вам придется? — настаивал Тосканини.

— Сегодня же покинуть Нью-Йорк.

— Вы намерены разорвать контракт? Вы сошли с ума!

— Возможно. Но я поступлю так, как сказал.

Артуро Тосканини на минуту задумался.

— Это чудовищное сумасбродство! — воскликнул он раздраженно. — Вы прежде всего накажете самого себя. Одумайтесь!

Но Федор Иванович был непоколебим. Ему случалось принимать самые невероятные и смелые решения, нередко самому страдать от них. Но он был тверд и не шел на попятный. Высоко подняв красивую голову, он протянул руку: — Прощайте, маэстро, не помните лихот! Завтра я буду далеко. Передайте директору, что все его денежные претензии я безоговорочно принимаю и возмещу неустойку до единого цента. Мой адрес ему известен.

Поняв, что Шаляпин не шутит и, чего доброго, действительно уедет из Нью-Йорка, Тосканини задержал его руку:

— Вы дикарь, Шаляпин, истинно русский дикарь! Хоть объясните, что случилось. Почему вы так добиваетесь дирижерского места для этого... синьора Маркетти?

— Хорошо, расскажу вам, маэстро, по секрету...

И Федор Иванович поведал Тосканини историю, происшедшую неделю назад в Буэнос-Айресе. Знаменитый дирижер сосредоточенно слушал, закрыв глаза, словно взвешивая этот рассказ, и внезапно расхохотался. Смеялся он долго и раскатисто, вытирал глаза носовым платком, затахал и снова хохотал. Успокоившись, он произнес:

— Я не осуждаю вас: талант часто идет в ногу с озорством и даже сумасбродством. Ваше великодушье мне тоже понятно... Как же нам выйти из этого курьезного положения? Х-м... Идемте к директору!

Генеральный директор «Метрополитен-оперы» Гатти-Казацца встретил Шаляпина радушно и весело, но, узнав, какой «сюрприз» привез он из Латинской Америки, нахмурился и отвернулся к окну. Тосканини многозначительно подмигнул Шаляпину: сейчас, дескать, обрушится, держись! Тосканини не ошибся. Гатти-Ка-

зацца — этот невысокий толстяк с круглой, лысой головой и черными сверкающими глазами — резко обернулся и разразился громовой речью о несовместимости чистого искусства с богемными, несуразными выходками.

— А вы как считаете, маэстро Тосканини, — прервал наконец директор свою речь, — разумно поступает Шаляпин?

— Как вам сказать, может быть, неразумно, но, по-моему, справедливо и человечно. Маркетти пострадал из-за него, и бросать его на произвол судьбы...

— Болтовня! Риторика! Я не позволю превращать крупнейший в мире театр в балаган! Кто такой Маркетти? Откуда он взялся? Пусть вернется в свою Италию, откуда выполз!

Тут произошло неожиданное. Тосканини встал, выпрямился и гневно взглянул на директора. — Я тоже выполз из Италии. Может, и мне вернуться туда?

Гатти-Казацца победнел и отшатнулся. Час от часу не легче! Этого еще не хватало: лишиться сразу двух гениев — Шаляпина и Тосканини! Пауза была длительной и страшной. В шарообразной голове директора бушевали и боролись мысли — что делать? На помощь пришел Шаляпин:

— Разрешите пригласить Маркетти, господин директор?

— Где он?

— Здесь, рядом. — Шаляпин лукаво улыбнулся.

Через минуту в кабинет вошел высокий изящный итальянец.

— Позвольте вас познакомиться, — весело произнес Шаляпин, — генеральный директор театра Гатти-Казацца, дирижер Николо Маркетти.

— Очень рад, — проворчал дирижер, пожимая руку гостю. — Безмерно рад... Так это вы и есть Маркетти? Если не ошибаюсь, мне говорил о вас Беньямино Джильи.

— Вполне вероятно. Мы с ним старые друзья и земляки.

— Боже мой, наш «Метрополитен» превращается в итальянскую колонию! Господин Шаляпин, может, и вы итальянец? Вспомните!

Кабинет наполнился хохотом. Серьезным оставался один только Маркетти. Он смотрел на Шаляпина, и глаза его говорили о безмерной благодарности этому удивительному человеку.

Через месяц Николо Маркетти дирижировал оперой «Паизы» и удостоился высокой похвалы. Он прослушал в «Метрополитен-опере» многие годы.

...Эту любопытную историю рассказал мне несколько лет назад знаменитый итальянский певец Тито Скипа, посетивший Москву.

Анатолий ВЕРБИЦКИЙ
(АПН)

7 ОКТ 1956

Вечерний Ленинград
г. Ленинград